

# Смерть человека в контексте учения о лицах

---



**Д.В. Пятков**

Доцент, кафедра гражданского права Алтайского государственного университета.  
Адрес: 656049, Российская Федерация, Барнаул, Социалистический проспект, 68.  
E-mail: pitkov@yandex.ru

---



## **Аннотация**

Взросшее внимание современных исследователей к наследию классиков российской цивилистики привело к тому, что обнаружены альтернативные подходы к пониманию фундаментальных положений гражданского права. Нередко оказывается, что забытое решение вопроса является гораздо более эффективным в теоретических исследованиях, в законотворческой деятельности и правоприменительной практике. Одной из таких находок является учение о лицах, согласно которому лицо и человек — совершенно разные понятия, между ними нет тождества, первое подчинено второму, как средство деятельности подчинено деятелю. При таком подходе лицо становится совокупностью юридических возможностей, предоставленных человеку, его правоспособностью. Взяв за основу разделение лица и человека, с одной стороны, и отождествление лица и правоспособности, с другой стороны, автор статьи предлагает по-новому прочесть фундаментальные положения гражданского законодательства о правоспособности. Автор приходит к выводу, что правоспособность не находится в безусловной зависимости от жизни человека. Опровергается распространенное мнение о прекращении субъекта права (физического лица) и гражданской правоспособности в момент смерти человека. Сделан вывод, что ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации не содержит указания на момент полного прекращения правоспособности, а определяет только причину постепенного ее прекращения. Такой причиной автор вслед за законодателем называет смерть человека. Длительный процесс прекращения правоспособности с постепенным исчезновением отдельных ее элементов предложено называть деструкцией правоспособности. Вывод о сохранении физического лица, т.е. гражданской правоспособности после смерти человека, используется в критическом исследовании законодательства и позволяет автору сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования и правоприменительной практики в таких сферах общественной жизни, как наследование, банкротство, интеллектуальная собственность, государственная регистрация прав на недвижимое имущество. Предпринята попытка понять, почему современной отечественной и зарубежной цивилистикой утрачено понимание лица как правоспособности человека, а момент смерти человека стали считать моментом прекращения лица.

---



## **Ключевые слова**

человек, лицо, физическое лицо, правоспособность, смерть, прекращение правоспособности, деструкция правоспособности, persona.

---

**Благодарности:** Статья опубликована в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ.

**Для цитирования:** Пятков Д.В. Смерть человека в контексте учения о лицах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 112–133.

УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.112.133

## Введение

В какой момент прекращается правоспособность гражданина? Вряд ли найдется специалист, которого этот вопрос поставит в тупик или хотя бы заставит задуматься. Ответ предсказуем: согласно ст. 17 Гражданского кодекса Российской Федерации<sup>1</sup> (далее — ГК РФ) правоспособность гражданина прекращается в момент его смерти. Об этом можно не только услышать от собеседников, но и прочитать в учебной литературе. Например, В.А. Белов пишет: «Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается в момент наступления смерти (п. 2 ст. 17 ГК)» [Белов В.А., 2002: 78]. В том же смысле выражается и М.В. Кротов: правоспособность существует «до самой смерти», «до фактической смерти» [Кротов М.В., 2004: 116]. Таким образом, надо полагать, что после смерти человека его правоспособность не существует. Между тем в нашем праве нет нормы, которая определяла бы момент прекращения правоспособности. Статья 17 ГК РФ не в счет, в ней сказано о моменте возникновения и *причине* прекращения правоспособности: *смертью* прекращается правоспособность, т.е. сказано, *чем* она прекращается, а не *когда*. К слову, о смерти как причине прекращения правоспособности не сказано, что она непременно повлечет прекращение правоспособности. Тем более не уточняется, что смерть повлечет прекращение правоспособности в полном объеме.

Что же движет юристами, когда они связывают прекращение правоспособности с моментом смерти человека, да еще и приписывают это решение законодателю? Проблема в понятии лица, в частности, физического лица. В нашей юриспруденции общим стало понимание правоспособности как свойства физического лица, а физическое лицо рассматривается как человек. Без человека не может быть физического лица, а исчезновение последнего делает невозможным существование правоспособности. Ответ на вопрос о моменте прекращения правоспособности определен тождеством человека и физического лица. Образуется оппозиция: правоспособность/физическое лицо (человек).

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Разве не очевидно, что физическое лицо — это человек? Д.И. Мейер, например, нисколько не сомневаясь, признавал синонимами слова «человек» и «физическое лицо». Нарушать данное тождество и не считать некоторых людей физическими лицами — удел древних или некультурных обществ [Мейер Д.И., 1997: 84]. Е.В. Васьковский вполне определенно писал о людях как о лицах, о том, что живые люди становятся физическими лицами в момент рождения [Васьковский Е.В., 2003: 89]. Для современных отечественных исследователей также в целом характерно стремление отождествлять человека и физическое лицо. С.М. Корнеев, например, пишет о таких признаках и свойствах физического лица, как имя, гражданство, возраст, семейное положение, пол, состояние здоровья [Корнеев С.М., 2012: 9]. Эти же чисто человеческие характеристики применительно к физическим лицам использует И.А. Зенин [Зенин И.А., 2016: 34]. Современные авторы обычно не предпринимают даже скромных усилий, чтобы доказать тождество человека и физического лица, настолько это кажется очевидным.

Отождествление физического лица и человека, связанная с этим тождеством потеря правоспособности в момент смерти человека — настоящее бедствие современной юриспруденции. Она оказывается в тупике при сколько-нибудь существенном отклонении общественного отношения от привычного алгоритма действий живых людей. Это особенно заметно проявляется при наследовании, в сфере банкротства, в процессе применения законодательства о интеллектуальной собственности и государственная регистрация прав на недвижимое имущество. Выйти из тупика позволит другой взгляд на соотношение физического лица и человека, более точная оценка юридического значения смерти человека и ее влияния правовые отношения.

## **1. Неверное понимание физического лица и смерти человека в современной юриспруденции**

Иногда проблема остается без особого внимания и кажется несуществующей по причине законодательных решений, столь же привычных и разумных, сколь и несовместимых с идеей тождества физического лица и человека. Самый яркий пример — сохранение гражданских правоотношений до объявления человека умершим. Цивилист, исключая гражданскую правоспособность после смерти человека, готов смириться с правоотношениями, если человек умер, но факт его смерти не установлен в обычном для таких случаев порядке. Ум цивилиста невозмутим: обычно он не признает правоотношения без правоспособности, без субъекта, но в данном случае не придает значения потере лица и жертвует учением о правоспособности, которого привык держаться. Ему важнее сохранить веру в тождество фи-

зического лица и человека, чем следовать сложившимся представлениям о правоотношении и механизме правового регулирования. Поэтому общим местом в учебной литературе стало утверждение: если объявленный умершим человек жив, то правоспособность его сохраняется, а если мертв, но не объявлен умершим, правоспособность его прекратилась.

Иногда юриспруденция готова навязать физическому миру новые законы, заставить время течь замысловатым, только юристу понятным образом. Стать собственником «сегодня шесть месяцев назад» можно только в юриспруденции, по нормам наследственного права. Как милый детский лепет мы готовы воспринимать фразу — «А у нас сегодня кошка родила вчера котят» — из стихотворения С. Михалкова. Надо полагать, юриспруденция требует более внятной речи. Насилие над временем в юриспруденции совершается во имя все той же идеи: субъект исчезает из правоотношений в момент смерти человека. Поскольку права собственности не может быть без собственника, наследник заменяет наследодателя с момента смерти последнего, даже если такую замену приходится производить задним числом. Здесь бы впору начать серьезно беспокоиться о состоянии доктрины и законодательства в том, что касается представлений о субъекте, но проблема выдается за особенность юриспруденции, преподносится как ее право на уникальные, пускай и странные решения.

Случается, что никакие ухищрения разума современных юристов не помогают создать даже видимость благополучия и проблема правосубъектности заявляет о себе во весь голос. В 2015 году были внесены поправки в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»<sup>2</sup> (далее — Закон о банкротстве), способные вызвать недоумение не только у рядового гражданина, не искушенного в юриспруденции, но и у специалиста. Поправки, связанные с банкротством умерших граждан, вносились в Закон о банкротстве в 2015 году дважды: Федеральным законом от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>3</sup> и Федеральным законом от 29.12.2015 № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>4</sup>. Приводя в действие нормы о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, законодатель установил порядок банкротства не только живых, но и умерших должников (ст. 223.1 Закона о банкротстве). Надо заметить, что это было, наверное,

<sup>2</sup> СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

<sup>3</sup> СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945.

<sup>4</sup> СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 11.

наименее ожидаемое решение законодателя. Например, А.А. Кирилловых пишет, что банкротство гражданина в случае его смерти — это безусловная новация отечественного конкурсного права, и не была предусмотрена в рамках проекта закона о реабилитационных процедурах [Кирилловых А.А., 2015: 7–22]. Ожидания общественности были связаны с принципиальным решением вопроса о возможности банкротства граждан, в первую очередь, живых. О банкротстве умерших граждан если и думали, то в последнюю очередь. Все же эта идея не является новой для современного российского права. Р.В. Файзуллин пишет, что еще в 2001 г. В.Ф. Попондопуло предлагал «законодательно решить вопрос о возможности признания банкротами таких категорий граждан, как ... объявленные умершими или умершие» [Файзуллин Р.В., 2011: 73].

Неоднократно приходилось сталкиваться с весьма скептическим отношением коллег-юристов к этим новеллам банкротного законодательства. Глупость — можно было слышать и такие оценки нововведений. В некоторых научных публикациях, посвященных поправкам к законодательству о банкротстве, авторы пишут о банкротстве «наследственной массы», заменяя этим словосочетанием явным образом сформулированное законодателем наименование субъекта — «гражданин», т.е. человек, пускай и умерший [Шишмарева Т.П., 2015: 47–49] [Фролов И.В., 2016: 95–102] [Останина Е.А., 2017: 58–61]. В этом виден своего рода протест: авторы готовы вопреки букве закона персонифицировать имущественную массу, о чем прямо пишут, лишь бы не допустить банкротства покойника, о чем прямо пишет законодатель. Таких специалистов можно понять: если правом регулируется банкротство умершего гражданина, должно возникнуть соответствующее правоотношение, но как оно возможно в отсутствие субъекта-должника? Как можно банкротить того, кто для права не существует как субъект?

Проблема могла бы стать предметом заботы наследственного права и найти в нем адекватное решение. Но для наследственного права смерть должника — также камень преткновения, оно выглядит столь же нескладно и подозрительно в глазах взыскательного юриста, как и законодательство о банкротстве. Согласно п. 3 ст. 1175 ГК РФ, до принятия наследства требования кредиторов могут быть предъявлены к исполнителю завещания *или к наследственному имуществу*. Опять есть повод возмутиться: если право регулирует предъявление иска к имуществу, должно возникнуть соответствующее процессуальное правоотношение, но как оно возможно с объектом прав в роли ответчика? Неужели ответчик может не быть правосубъектным, или имущество приобретает качества лица? Можно сколько угодно апеллировать к иностранному законодательству и отечественной цивилистике до революционного образца, но современное гражданское право не признает

наследственную имущественную массу субъектом. Немного успокаивает то обстоятельство, что суд обязан приостановить рассмотрение дела до принятия наследства наследниками или перехода выморочного имущества к публично-правовому образованию. Все же логика права грубо нарушена уже самим принятием искового заявления.

Заметно, что законодатель пытается двигаться в различных направлениях, исключая друг друга и одинаково плохо соответствующих сложившимся в нашей юриспруденции понятиям о должном. Вряд ли правильным решением было бы «заморозить» общественные отношения, созданные должником при жизни, до появления его правопреемников. Такое решение способно причинить существенный вред кредиторам, поскольку наследственное правопреемство, в принципе, не скоро происходит, а при нежелании наследников вступать в обязательства должника и вовсе может затянуться на неопределенное время. Ведь удовлетворение требований кредиторов будет происходить не за счет личности бывшего должника или его правопреемников, а за счет имущества, доступного для обращения взыскания, а со временем состояние активов должника может только ухудшиться.

Странно, что идея, воплощенная в ст. 1175 ГК РФ, не была адаптирована законодателем для нужд банкротства. В то же время, предлагая в Законе о банкротстве совершенно иной алгоритм действий кредиторов после смерти должника, законодатель не счел нужным соответствующим образом изменить наследственное право. Необходимо сделать выбор: банкротим гражданина после его смерти, т.е. умершего человека, или предъявляем иск к имуществу бывшего должника. Но для начала нужно понять, насколько корректно сформулирована законодателем эта дилемма. Нет ли другого решения, которое в равной мере может быть распространено и на банкротство, и на обычные наследственные отношения, и будет в равной мере соответствовать запросам практики и требованиям доктрины?

Выше показаны лишь некоторые проявления большой проблемы в нашей юриспруденции: неверно понят субъект права, в частности, физическое лицо. Иначе эта проблема проявляется в авторском праве, когда законодатель вынужден производить подмену понятий в ст. 1228 ГК РФ: «*право авторства и право на имя неотчуждаемы и непередаваемы; авторство и имя автора охраняются бессрочно. После смерти человека защиту его авторства и имени может осуществлять любое заинтересованное лицо*». Почему охраняются бессрочно авторство и имя, а неотчуждаемы и непередаваемы права, которые тоже можно охранять? Но как сохранить субъективные право авторства и право на имя в качестве объектов охраны, если нет субъекта этих прав? Вот и приходится говорить об авторстве и имени, чтобы обеспечить их защиту в условиях, когда соответствующие права исчезают вместе с

субъектом. Но если нет прав автора, трудно говорить и о чьих-либо обязанностях, о правоотношениях, тогда и о правовой защите трудно говорить.

В судебной практике встает вопрос о правомерности государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость после смерти стороны в сделке (продавца, дарителя, получателя ренты и т.д.). Иногда человек умирает после подписания всех необходимых документов, включая заявление о государственной регистрации, но до совершения государственным регистратором записи в Едином государственном реестре недвижимости. Регистрация в таких случаях существенно меняет правовые отношения, затрагивая интересы не только живущего контрагента, но и других людей, например, наследников продавца, дарителя, получателя ренты. Возникают споры, в которых суды нередко признают государственную регистрацию противоправным актом. Это вполне предсказуемая реакция в условиях отождествления лица и человека, убежденности в том, что правоспособность человека исчезает в момент его смерти.

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации 13.02.2018 № 5-КГ17-242<sup>5</sup> отмечается, что нижестоящие суды пришли к выводу о невозможности зарегистрировать переход права собственности к плательщику ренты на том основании, что правоспособность получателя ренты прекратилась с его смертью, а право на получение содержания с иждивением в обмен на квартиру неразрывно связано с личностью получателя ренты. Другими словами, по мнению судов, любые манипуляции с правами и имуществом от имени умершего человека должны быть прекращены, поскольку этому имени не соответствует правоспособность. Верховный Суд, отменяя решения судов первой и апелляционной инстанций и направляя дело на новое рассмотрение, не стал высказываться о судьбе правоспособности, но указал, что смерть получателя ренты не препятствует государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость по договору ренты. Конечно, можно подойти к разрешению данной коллизии с той точки зрения, что государственная регистрация ничего, по существу, не меняет в отношениях сторон, только фиксирует уже состоявшуюся смену собственника. Но такой взгляд на государственную регистрацию разделяется сегодня далеко не всеми специалистами, законодательство и судебная практика по данному вопросу противоречивы. Ясно, что на решения судов первой и апелляционной инстанций оказали влияние нормы о правоспособности, а не о государственной регистрации. Если бы суды иначе смотрели на соотношение понятий «человек» и «лицо», иначе читали ст. 17 ГК РФ, они могли бы дать положительную оценку действиям

---

<sup>5</sup> Available at: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71789462/> (дата обращения: 05.08.2020)

государственного регистратора, независимо от того, признают они за государственной регистрацией правоустанавливающую или правоподтверждающую функцию.

Тот же вопрос рассматривается в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 11.11.2011 № 1611-О-О<sup>6</sup>. Суды признали правомерной государственную регистрацию права собственности приобретателя недвижимости, состоявшуюся после его смерти, в условиях, когда приобретатель при жизни выразил свою волю на регистрацию и не отозвал соответствующее заявление. Примечательно, что заявитель был недоволен судебным толкованием ст. 17 ГК РФ, допускавшим приобретение имущества гражданином после его смерти.

## **2. Лица людей и их смерть по гражданскому праву: ретроспектива и современность**

Почему законодатель, указывая момент возникновения правоспособности, не использует слово «момент», касаясь вопроса о ее прекращении? Откуда эта неопределенность временных рамок существования гражданской правоспособности? Формулировка, которую мы видим в ст. 17 ГК РФ, использовалась в советской и досоветской юриспруденции, а для последней тождество человека и физического лица было еще проблемой. Проблемным является это тождество и для западной юриспруденции, а в римской юридической традиции оно исключается.

Н.Л. Дювернуа, характеризуя своих современников, отмечал, что их «правосознание не ставит понятия личности так обособленно от человека, как это было у римлян» [Дювернуа Н.Л., 2004: 245]. Формулируя свою позицию по данному вопросу, Н.Л. Дювернуа считал возможным заявлять, что лицо в праве — это гражданская правоспособность. Е.Н. Трубецкой также критиковал своих современников за их узкореалистическое понимание лица в праве, он делал весьма полезный для современной юриспруденции вывод: «...вообще юридическая личность человека переживает его, как лицо, физически существующее» [Трубецкой Е.Н., 1917: 168].

В то же время Г.Ф. Шершеневич критикует теорию фикции за то, что она предположила, будто человек становится субъектом права. По этому поводу в 1911 году он писал так: «В действительности всякий субъект есть создание объективного права. Субъекты — это те центры, около которых волей закона объединяются юридические отношения ... субъект права есть только юридическое представление, все равно, идет ли речь о юридическом или о физическом лице» [Шершеневич Г.Ф., 2017: 127]. Нетрудно заметить, что

<sup>6</sup> Available at: URL: <https://base.garant.ru/70108716/> (дата обращения: 05.08.2020)

Г.Ф. Шершеневич критиковал сторонников теории фикции не столько за их суждения относительно юридических лиц, сколько за их неверные представления о лицах физических. Теория фикции ошибочна своим противопоставлением юридических лиц физическим, как вымышленных (созданных объективным правом) лиц реальным (физически существующим).

Когда Г.Ф. Шершеневич пишет о лицах как юридических представлениях и центрах, около которых волей закона объединяются юридические отношения, он подтверждает лаконичный тезис Н.Л. Дювернуа о том, что лицо — это гражданская правоспособность. Несколькими десятилетиями позже в том же духе станет рассуждать и Г. Кельзен. Он признает, что у его современников стало привычкой отождествлять человека и физическое лицо, но в конечном счете заявит: «Т.н. физическое лицо также является искусственной конструкцией правоповедения — физическое лицо также является «юридическим» [Кельзен Г., 2015: 217]. Вот еще одно его утверждение: «Физическое лицо — это не человек, имеющий обязанности и права, а единство обязанностей и прав, которые в качестве своего содержания имеют поведение человека» [Кельзен Г., 2015: 218]. По Кельзену, физическое лицо в том смысле является юридическим лицом, оно «не природная реальность, но реальность юридическая, т.е. создаваемая правоповедением конструкция, вспомогательное понятие для описания юридически значимых фактических составов» [Кельзен Г., 2015: 219]. Заметно, что Кельзен часто использует слова «физическое лицо» в сочетании с выражением «так называемое».

О тождестве человека и физического лица при таком взгляде на правоспособность не может быть и речи. Образуется оппозиция: *человек / физическое лицо (правоспособность)*. Оппозиция эта не является плодом интеллектуальных усилий ни наших отечественных классиков, ни Г. Кельзена. Единодушие этих авторов в понимании субъекта права, лица обеспечено, по-видимому, древней юридической традицией, римской юриспруденцией. Впрочем, устанавливать и поддерживать эту связь весьма непросто. Нельзя сказать, что все названные здесь авторы в одинаковой мере причастны древней истине. Например, Е.Н. Трубецкой, заявляя о том, что юридическая личность переживает человека, не настаивает в категоричной форме на разграничении физического лица и человека при его жизни. В этом плане Н.Л. Дювернуа кажется более последовательным и решительным сторонником размежевания лиц и людей. Что же касается творчества Г.Ф. Шершеневича, то надо признать, что только в последние годы жизни он стал делать критические замечания в адрес теории фикции, пришел к выводу о принципиальном сходстве физических лиц и юридических, назвав всякий субъект права свойством человека [Шершеневич Г.Ф., 2016: 499]. Недаром за ним прочно закрепился титул сторонника теории фикции в российской юриспруденции [Козлова Н.В.,

2003: 17]; [Танимов О.В., 2014: 12]. Последние прижизненные издания его учебников потомки ему не засчитали. В связи с этим творчество Г.Ф. Шершеневича заслуживает более внимательного изучения, что станет не только данью уважения к великому цивилисту, но и хорошим поводом критически оценить основания современного отечественного права.

В советской юридической литературе сомнения насчет тождества физических лиц и людей почти не встречаются, мало кто сомневался, что правоспособность есть у субъекта, а сама правоспособность субъектом не является. Но влияния классиков не избежали и некоторые советские исследователи. Только удивление могут вызывать положения, найденные в советской учебной литературе: категории «субъект права» и «правосубъектность» по своему основному содержанию совпадают; «субъект права» («правосубъектность») — понятие широкое, в какой-то мере отличное от понятия «субъект (участник) правоотношения». Эти фразы, в которых выражена идея тождества субъекта (следовательно, лица) и правосубъектности (следовательно, и правоспособности), взяты из учебника С.С. Алексеева по общей теории права [Алексеев С.С., 1982: 139]. Удивление эти фразы вызывают хотя бы потому, что автор учебника руководствуется совершенно иными представлениями о лицах и правосубъектности. Несколько поколений юристов именно из этого учебника накрепко усвоили мысль, что правосубъектность как единство правоспособности и дееспособности является свойством лица, но никак не лицом: правосубъектность у лица, а не лицо. Как же приведенные выше фразы попали в учебник, почему С.С. Алексеев использовал их, никак не объясняя свой выбор и нисколько не развивая заложенный в них смысл? Они не стали объектом критики автора, он не использовал их в качестве аргумента. Зачем они ему понадобились?

О том, что различать человека и его физическое лицо, отождествлять лицо и правоспособность, — значит, мыслить по-настоящему юридическими категориями, во всяком случае, мыслить в духе тех, кому юриспруденция обязана своими категориями, т.е. римлян, пишут не только классики российской юриспруденции, как, например, Н.Л. Дювернуа, но и деятели современной зарубежной науки. Г.А. Гаджиев и Е.А. Войниканис отмечают сравнительное историческое исследование, проведенное Tzung-Mou Wu (Т.-М. Ву) из Тайваньской Academia Sinica, в котором показано, что «юридическая личность» и сам человек римскими юристами никогда не отождествлялись: слово *persona* использовалось с глаголами носить, представлять, исполнять, сохранять (*gerere, tenere, sustinere, suscipere* и т.п.), но никогда не употреблялось с глаголом «быть» [Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А., 2018: 33]. Современные российские специалисты в области римского частного права также обращают внимание на эту особенность римской юриспруденции.

Например, Д.В. Дождев пишет: «В гражданском обороте люди представлены не как таковые, а в той типичной социальной роли, которую правопорядок признает адекватной для соответствующих отношений. Право воспринимает субъекта прав и обязанностей в его внешних социально значимых проявлениях, абстрагируясь от особенностей, которые полагает несущественными. Идея универсальной типизированной роли субъекта правоотношения в римском праве выражается понятием лица — «*persona*» (первоначальное значение — «театральная маска»)» [Дождев Д.В., 2013: 288].

Разграничение понятий «физическое лицо» и «человек», связанная с этим разграничением независимость правоспособности от судьбы человека — выход для юриспруденции из самых сложных ситуаций. Нам не известна какая-либо проблема теоретического либо практического свойства, рождаемая разграничением указанных понятий. Польза разграничения очевидна. Норма п. 4 ст. 1152 ГК РФ о том, что принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество, становится излишней, от нее можно отказаться: зачем приписывать наследнику право собственности задним числом, если он может получить это право от предшественника в обычном порядке, например, с момента принятия наследства? Ведь физическое лицо (*persona*) наследодателя не исчезает из правоотношений в один момент со смертью человека, оно может играть роль собственника сколько угодно долго, сохраняя соответствующие правоотношения, обеспечивая их трансформацию по мере вступления в них физических лиц-преемников.

Ретроактивное приобретение права собственности наследниками не решает основную проблему: как определить собственника после открытия наследства и до его принятия наследниками? До того, как наследник задним числом станет собственником имущества, собственником надо бы считать наследодателя, который уже умер, — проблема, если считать, что умер не просто человек, а умер субъект права, умерло физическое лицо. Е.Н. Трубецкой так комментировал эту ситуацию: «Чтобы признать права наследников, нужно признать, что права наследодателя, которые к ним переходят, представляют собою нечто не прекратившееся, длящееся после смерти наследодателя» [Трубецкой Е.Н., 1917: 169]. Но если права не прекращаются в момент смерти человека, следует допустить одну из двух ситуаций: либо права продолжают существовать без субъекта (в данном случае без физического лица), либо субъект этих прав (физическое лицо) продолжает существовать без человека. Второе допущение легко объяснить принципиальным разграничением человека и физического лица.

Что касается первого варианта, то идея бессубъектных прав, конечно, давно присутствует в юриспруденции, но вряд ли может составлять конкуренцию классическому пониманию юридической действительности, когда право обязательно субъектно. Вот как, например, реагировал на идею бессубъектных прав Н.Л. Дювернуа: «Более обличительного результата смешения понятий человека и лица в гражданском смысле нельзя придумать. Его нашел Виндшейд, натурально, не в римском праве, где его нет. Оно не нужно и для нашего права, ибо хотя у нас, иначе чем у римлян, личен всякий человек, но нет никакой надобности ограничивать применения личного сферой волеспособного человека и не допускать мыслить личности там, где она не дана непосредственно волей отдельно взятого человека» [Дювернуа Н.Л., 2004: 252]. Как видно, Н.Л. Дювернуа не соглашается оправдывать бессубъектными правами неприемлемое для него отождествление человека и лица. Напротив, скорее разграничением человека и лица он готов бороться с «ересью» бессубъектных прав.

Кстати, сам Н.Л. Дювернуа не остался в стороне от разрешения проблемы «лежащего наследства». Разумеется, он решал ее, разграничивая человека и его лицо в праве: «Когда уходит со сцены предположенный нами деятельный субъект гражданской правоспособности, то, с этим вместе, цельная в его лице сфера гражданских отношений не исчезает тотчас, вместе с ним. Свойство этих отношений личное, сосредоточенное, удерживается, временно, в известной степени неподвижности, в «лежащем наследстве» (*hereditas jacens*). Можно ли назвать это сосредоточенное состояние имущества безличным, хотя временно нет известного человека, определенного индивидуума, который давал бы *активный* характер этой сосредоточенной гражданской силе? Отнюдь нет, ибо для наличности гражданской правоспособности нет нужды (и не в одном этом случае) в непрестанно деятельном состоянии правоспособного субъекта» [Дювернуа Н.Л., 2004: 238].

Затронутой проблеме наследственного права можно дать еще один комментарий. Г.Ф. Шершеневич так описывал проблему правосубъектности при открытом не принятом наследстве: «По отношениям, установленным наследодателем, иски предъявляются к лицу умершего собственника (Уст. гражд. суд., ст. 215). Закон в этом случае считает как будто, что субъектом имущества продолжает быть наследодатель, но так как в действительности последний не существует как реальное лицо, то субъектом наследственной массы является фиктивное лицо, т.е. юридическое» [Шершеневич Г.Ф., 1995: 92]. Обращает на себя внимание легкость в использовании выражения «иски предъявляются к лицу умершего собственника». Не к умершему собственнику, а к лицу собственника. Сейчас так никто у нас не говорит. Вместе с тем в этой фразе противопоставлен человек его лицу: собственник (человек) и его лицо в праве — это различные явления.

При чтении этого отрывка из учебника русского гражданского права (1907 г.) создается впечатление, что Г.Ф. Шершеневич принципиально не возражает против разделения человека и его лица, вопрос для него лишь в том, будет это лицо физическим или произойдет его замена на юридическое лицо. Другими словами, если человек жив, то в правовых отношениях он представлен физическим лицом, а если человек умер, то в правовых отношениях он все еще представлен, но уже фиктивным, т.е. юридическим лицом. По причинам, теперь понятным, этот отрывок исчез из более позднего издания учебника (1911), где мы не находим прежнего противопоставления физических лиц юридическим как реальных лиц фиктивным лицам, где физические и юридические лица для Г.Ф. Шершеневича становятся явлениями одного порядка.

Говоря о «лежащем наследстве», классики пытались разглядеть лицо рядом с имуществом умершего человека. Мы же записали в ГК РФ, что кредитор наследодателя должен предъявлять иск к наследственному имуществу (ст. 1175). Вряд ли это прогресс. Законодательство о банкротстве должно рассматриваться как ориентир в совершенствовании наследственного права, но с одним уточнением: не умерший гражданин признается банкротом, как это буквально закреплено в законе, а его физическое лицо. Впрочем, сейчас только так и можно понять закон, поскольку умершего человека нет в общественных отношениях, а термины «гражданин» и «физическое лицо» синонимичны в контексте гражданского законодательства.

Р.В. Файзуллин, рассматривая состояние дел в германской юриспруденции по вопросам банкротства физических лиц, приводит весьма противоречивые суждения ученых и законодателя о фигуре должника в деле о банкротстве, возбужденном после смерти наследодателя-должника [Файзуллин Р.В., 2011: 76]. С одной стороны, немецкие юристы утверждают, что должником следует считать наследника (наследников), к нему предъявляются иски. С другой стороны, существуют законодательные нормы, из которых следует, что наследники — это доверенные лица или лица, ведущие чужие дела без поручения, в зависимости от того, успели они принять наследство или нет. Если так, почему они становятся ответчиками, именуются должниками, если остаются посторонними в делах наследодателя?

Но важнее другой вопрос: чьи дела они ведут без поручения и чьими доверенными лицами становятся? Если дела наследодателя — это дела умершего, утратившего правоспособность и покинувшего правоотношения, как можно вести дела того, кто вне правоотношений, не известен праву? Если все же наследники доверенные лица по отношению к наследодателю, почему же он не признается должником и ответчиком? Недосказанность о фигуре должника в деле о банкротстве, возбужденном после смерти наследодателя-

должника, является традиционной чертой германского законодательства. Еще Г.Ф. Шершеневич задавался вопросом: кто же здесь несостоятельный должник? [Шершеневич Г.Ф., 2000: 146]. Удивительно, что ни наследие римской юриспруденции, ни авторитет Кельзена не убеждают немецких юристов назвать должником физическое лицо умершего человека. В российском праве эта идея все-таки жива, но не владеет умами юристов, пока только припоминается ими.

Различая человека и его физическое лицо, можно обосновать сохранение и защиту субъективного права авторства и права на имя после смерти человека, создавшего произведение. Непередаваемость личных неимущественных прав не обуславливает их прекращения в момент смерти автора. Потеря человека в общественной жизни компенсируется соответствующим физическим лицом в правовых отношениях. Дело в том, что такое свойство личных неимущественных прав, как их непередаваемость, соотносится не с человеком как смертным участником общественной жизни, а скорее с его физическим лицом. Поскольку физическое лицо не отождествляется с человеком, т. е. субъект правоотношений остается только юридическим представлением человека, постольку утрата человека не обязательно приводит к потере субъективных прав, возникших при его жизни и сохранившихся к моменту его смерти. Если в этом есть необходимость (как в случае с правом авторства и правом на имя), законодатель может задержать субъективные права возле физического лица умершего человека. Другие права через определенное время перейдут к наследникам (например, право собственности) или сразу прекратятся (например, право на жизнь и здоровье).

Разграничением понятий «физическое лицо» и «человек», связанной с этим разграничением независимостью правоспособности от судьбы человека можно объяснить и оправдать практику Верховного Суда России, признающего правомерной государственную регистрацию перехода права собственности на недвижимость после смерти одного из участников сделки. Смерть человека не разрушает ни гражданско-правовые имущественные отношения, ни административные правоотношения. Физическое лицо умершего человека, т.е. его правоспособность позволяет завершить накопление юридического состава, необходимого для завершения начатой хозяйственной операции.

### **3. Причины искажения классического учения о лицах**

Если вначале цивилистика различала человека и лицо, что же заставило многих ее деятелей отказаться от этого различия, столь удобного во многих аспектах правового регулирования? Может быть, потомки изобретательных

римлян стали постепенно забывать точное значение слов, ослабла интеллектуальная дисциплина юристов? Упомянутый выше Т.-М. Ву делает по данному вопросу весьма ценное замечание: представление о том, что юридическая маска и человек, который ее носит, суть одно и то же, закрепилось в европейской юриспруденции только в XIX в. во многом благодаря теории фикций Ф.К. фон Савиньи, основанной на тезисе, что действительными субъектами права могут быть только живые люди [Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А., 2018: 33]. Это утверждение Т.-М. Ву вполне правдоподобно, во втором томе своей «Системы современного римского права» Ф. фон Савиньи писал: «Я употребляю название «юридическое лицо» (которому тогда, стало быть, противостоит «физическое лицо», т.е. отдельный человек) только для того, чтобы выразить, что оно существует как лицо только благодаря этой юридической цели» [Савиньи Ф., 2012: 134].

Далее, Ф. Савиньи употреблял термин «физическое лицо» исключительно в значении «человек». Влияние Ф. Савиньи на юриспруденцию, в том числе российскую, нельзя отрицать, но что повлияло на самого Савиньи, почему он отождествил физическое лицо и человека, причем сделал это на страницах сочинения, посвященного римскому праву, даже не вступая в дискуссию о том, что такое «persona»? Объяснение этому может скрываться как в названии сочинения, где привлекает внимание слово «современного», так и в задачах, которые по его собственному признанию, сделанному в первом томе «Системы современного римского права», ставил перед собой автор: взять только те институты права, «которые имеют римское происхождение, однако с включением сюда их последующих изменений, даже если эти последующие изменения имеют происхождение, отличное от римского» [Савиньи Ф., 2012: 274].

Г.А. Гаджиев и Е.А. Войниканис, называя внешнюю для права причину, изменившую представление о человеке и лице, отмечают влияние философских концепций: «Очевидно, что существенную роль в объединении и смешении в юридическом понятии субъекта права понятий лица, маски и индивидуальной человеческой личности сыграла философия. В период, следующий за античностью, практически вся история европейской философии проходит под знаком самопознания человека и его места в мире» [Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А., 2018: 34].

По-видимому, отождествление человека и лица совпало с появлением в европейской юриспруденции понятия «физическое лицо», в котором нашли выражение существенные изменения в общественной жизни. О.С. Иоффе писал, что термин «физическое лицо» впервые ввела в обиход буржуазная естественно-правовая доктрина. Этому термину «...затем противопоставляются термины «моральное лицо» во французской и «юридическое лицо» в немецкой юриспруденции» [Иоффе О.С., 2000: 83]. Причины появления тер-

мина «физическое лицо» О.С. Иоффе объяснял следующим образом: «...для естественно-правовой доктрины «физическое лицо» — не просто термин, но и определенная логическая категория, подкрепляемая всем ее учением о естественном состоянии и отражении этого состояния в государственных законах. Действительно, если человек обладает прирожденными правами, которыми он наделяется самой природой и которые только фиксируются в государственных законодательных актах, то и субъектом права он становится как некое естественное творение, как психофизическая особь, лишь признаваемая государством, но не создаваемая им. А поскольку от природы все люди равны, то такое же их равноправие должно быть закреплено юридически» [Иоффе О.С., 2000: 83].

#### **4. Критика современного представления о физическом лице и смерти человека**

Можно предположить, что когда Д.И. Мейер пишет о синонимичности слов «человек» и «физическое лицо», он стремится подчеркнуть не тот факт, что люди — это лица, а то обстоятельство, что человеку не свойственно быть вещью, объектом. Неприятие рабства движет Д.И. Мейером, когда он называет человека физическим лицом, т.е. правоспособным по определению, с момента рождения.

Если всякий человек достоин правоспособности, надо ли называть его лицом? Право может предоставить лицо (*persona*) каждому человеку, не отождествляя его с лицом. Очевидно, правоспособность, *persona* — это большое благо для человека, гарантия обеспеченности людей этим благом находится не только в области права. Уклад всей общественной жизни, интеллектуальное и нравственное состояние человечества, в первую очередь, не позволяют возратить человека в разряд вещей. Отождествление человека с благом, которое гарантируется ему, кажется наивной попыткой словами удержать общество от трагических поворотов в его развитии. Ведь с таким же успехом можно заявить: человек есть деньги, чтобы усилить гарантию платы за труд; человек — это отдых, чтобы гарантировать ему это благо; человек суть здоровье и т.д. «Человек — это физическое лицо» — утверждение из того же ряда, хотя и отличается некоторой фундаментальностью. Пафос тождества лиц и людей должен был пройти мимо понятийного аппарата юриспруденции, изменив только ее принципы. Между тем, она поддалась его влиянию в большей степени, чем нужно для воплощения самых гуманных замыслов. В термине «физическое лицо» смешаны два разных мира, две реальности: материальная, чувственная, осязаемая и правовая. В таком смешении не было бы никакой опасности, если разные миры подчинялись бы единым законам.

От смещения они страдают оба: бессмертная по своей сути правоспособность безжалостно уничтожается цивилистами как приобретаемая свойство человека; люди теряют адекватное реалиям их жизни правовое регулирование, получая противоречивое законодательство или не получая его вовсе.

К сожалению, даже те современные специалисты, которые различают лицо и человека, знают и чтят классиков, не всегда последовательны в своих суждениях. Так, например, И.П. Грешников, основываясь на тех же литературных источниках, закономерно приходит к выводу: «Технический термин «лицо», *persona* (в переводе с лат. «образ, изображение, театральная маска, личина») есть термин абстрактный и употребляемый в тех случаях, где нужно обозначить обособленную правоспособность» [Грешников И.П., 2002: 10]. Лицо есть правоспособность; ни лицо, ни правоспособность не могут быть человеком: «Физические лица — это фикции, посредники между реальным миром и миром права» [Грешников И.П., 2002: 36]. Написано образно и в целом верно. Но по другим высказываниям И.П. Грешникова заметно, что он остается в плену современной юриспруденции, демонстрируя образ мыслей, плохо совместимый с идеями Н.Л. Дювернуа, Г.Ф. Шершеневича, Е.Н. Трубецкого, Г. Кельзена: «Существование физического лица неразрывно связано с биологической жизнью человека, со смертью человека «умирает» и его правовая личность, а юридическое лицо как субъект права сохраняется даже в случае ухода из жизни всех его членов» [Грешников И.П., 2002: 46]. Если физическое лицо не является человеком, зачем ему умирать вместе с ним? На чем основано утверждение, что физическое лицо неразрывно связано с биологической жизнью человека? Только не на римском праве и не на трудах наших классиков.

Примером необходимой последовательности в суждениях могут стать исследования Г.А. Гаджиева [Гаджиев Г.А., 2013: 320]; [Гаджиев Г.А., 2016: 56–64]; [Гаджиев Г.А., 2018: 15–30]. Он не только констатирует факт разделения понятий «человек» и «физическое лицо», а для начала заявляет о необходимости различать юридическую действительность и осязаемую, видимую физическую действительность. Г.А. Гаджиев предлагает категорию юридического концепта действительности, а затем, в том числе и на основе разграничения человека и физического лица, приходит к выводу, что субъект права, а, следовательно, и правоспособность, могут быть допущены законодателем и после смерти человека, и до его рождения. О правоспособности он прямо не пишет, но это следует из понятия «субъект права». Колоссальный эвристический потенциал юридического концепта как дополнительного измерения социального бытия человека, проистекающего отсюда размежевания лиц и людей, конечно, дает о себе знать и за пределами гражданского права, например в конституционном праве. Отказ понимать депутата как живое биологическое существо позволяет не обращать внимания на изме-

нения в составе депутатского корпуса, когда надо определить актуальность и юридическое значение инициатив депутатов предыдущего созыва. Напротив, если рассматривать депутата как человека, то вследствие замены людей с депутатскими полномочиями лишаются юридического значения, например, обращения депутатов предыдущего созыва в Конституционный Суд Российской Федерации [Гаджиев Г.А., 2016: 62].

### **Заключение. Конструктивное предложение: деструкция правоспособности как последствие смерти человека**

Если правоспособность человека не прекращается в момент его смерти, значит ли это, что в момент смерти никаких изменений в правоспособности не происходит? Некоторые возможности, составляющие содержание правоспособности, неизбежно прекращаются в момент смерти (например, избирать место жительства). Другие имеют смерть только причиной своего прекращения, момент их прекращения может далеко отстоять от смерти (например, иметь имущество на праве собственности). Третьи способны сохраняться без ограничения срока (иметь права авторов результатов интеллектуальной деятельности, например, право авторства и право на имя). Статью 17 ГК РФ следует понимать так, что смерть прекращает правоспособность, но не обязательно в один момент и в полном объеме.

Процесс постепенного и не обязательно полного прекращения правоспособности можно обозначить термином «деструкция». В словарях и энциклопедиях «деструкция» определяется как разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо, разорение, упадок, опустошение. Этот термин более точно передает последствия смерти человека, ее влияние на правоспособность. Ведь даже «прекращение» не обязательно понимать как мгновенное полное исчезновение чего-либо. Слово «прекращается» в ст. 17 ГК РФ означает процесс, состояние, а не момент времени. Этим словом задано направление изменений правоспособности — она не возникает, а ее содержание не становится богаче, напротив, происходит ее разрушение, расстройство, угасание, сокращение. Словом «деструкция» удобнее выразить метаморфозы правоспособности умершего человека. В слове «прекращение» слышна некоторая стихийность, неизбежность исчезновения. Между тем, правоспособность целиком в руках законодателя. Она им сконструирована, им контролируется содержание и длительность ее существования. Не столько смерть человека разрушает правоспособность, сколько законодатель. Делает он это вынужденно, без удовольствия, но постепенно, сообразуя процесс разрушения правоспособности человека с потребностями общественной жизни.

Предлагаемое здесь понимание ст. 17 ГК РФ хорошо объясняет многие феномены в праве, например: оправдывает институт банкротства умерших граждан; позволяет избавить кредиторов умерших граждан от необходимости предъявлять иски к их имуществу (п. 2 ст. 1174, п. 3 ст. 1175 ГК РФ); обнаруживает непоследовательность законодателя, который, теряя из виду умершего человека, теряет вместе с ним и физическое лицо, объявляет объектом защиты авторство и имя умершего человека, а не право авторства и не право на имя, которые были объектом защиты прежде его смерти (сравн., напр., абз. 3 п. 2 ст. 1228 и п. 1 ст. 1251 ГК РФ). Утрата человека не вызывает потерю правоспособности с абсолютной необходимостью, поскольку субъект права никогда не тождественен человеку и его можно помыслить как элемент правового отношения после ухода человека из отношения общественного. В целом, такой подход, освященный римским гением, отечественной и зарубежной традициями, способен привести в порядок многие сферы правового регулирования. По нашему глубокому убеждению, он правильный.



### Библиография

- Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
- Белов В.А. Гражданское право: Общая часть М.: Юринформ, 2002. 639 с.
- Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. 382 с.
- Гаджиев Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013. 320 с.
- Гаджиев Г.А. Идея юридической картины мира и ее использование в конституционном судопроизводстве // Юридический вестник ДГУ. 2016. № 4. С. 56–64.
- Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15–30.
- Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
- Грешников И.П. Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 331 с.
- Дождев Д.В. Римское частное право. М.: Норма, 2013. 575 с.
- Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1: Введение. Учение о лице. М.: Зерцало, 2004. 568 с.
- Зенин И.А. Гражданское право. М.: Юрайт, 2016. 655 с.
- Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. 777 с.
- Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
- Кирилловых А.А. Банкротство физических лиц: новации законодательства о несостоятельности // Законодательство и экономика. 2015. № 6. С. 7–22.
- Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории. М.: Статут, 2003. 318 с.
- Корнеев С.М. Избранное. М.: Статут, 2012. 311 с.

- Корнеев С.М. Граждане (физические лица) как участники гражданских правоотношений / Гражданское право. Т. 1. М.: БЕК, 1998. С. 105–168.
- Кротов М.В. Граждане как субъекты гражданского права / Гражданское право: Т. 1. М.: Проспект, 2004. С. 108–139.
- Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 1. М.: Статут, 1997. 290 с.
- Останина Е.А. Банкротство наследственной массы: в поисках баланса между интересами кредиторов и наследников // Судья. 2017. № 6. С. 58–61.
- Савиньи Ф.К. Система современного римского права: В 8 т. Т. 1. 510 с. Т 2. 573 с. М.: Статут, 2012.
- Танимов О.В. Развитие юридических фикций в эпоху нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 4–17.
- Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Мамонтов, 1917. 226 с.
- Файзуллин Р.В. Процедура несостоятельности в отношении наследства по законодательству Германии // Цивилист. 2011. № 2. С. 73–78.
- Фролов И.В. Банкротство гражданина: проблемы введения и модели правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 95–102.
- Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.
- Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000. 477с.
- Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Избранное. Т. 5. М.: Статут, 2017. С. 8–812.
- Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Избранное. Т. 4. М.: Статут, 2016. С. 8–697.
- Шишмарева Т.П. Особенности несостоятельности (банкротства) индивидуального предпринимателя в случае его смерти // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 9. С. 47–49.

---

## **Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki. 2020. No 3**

### **The Death of Man in Context of Study of Persons**



**Dmitriy Pyatkov**

Associate professor, Civil Law Chair, Altai State University. Address: 68 Sotsialistichesky Prospect, Barnaul 656049, Russian Federation. E-mail: pitkov@yandex.ru



#### **Abstract**

The increased attention of modern researchers to the legacy of the classics of Russian civil law has led to the discovery of alternative approaches to understanding the fundamental tenets of civil law. One of these findings is the doctrine of persons, according to which a person (subject of law) and a man are completely different concepts, there is no identity between them, the first is subordinate to the second, as a means of activity is subject to the doer. With this approach, the person becomes a set of legal opportunities provided to the man, his legal capacity. Taking the separation of a person and a man, on the one hand, and the identification of a person and legal capacity, on the other hand, the author of the article concludes that legal capacity is not in absolute dependence on human life. The

author refutes the widespread opinion about the termination of a subject of law (natural person) and civil legal capacity at the time of death. It is concluded that Article 17 of the Civil Code of the Russian Federation does not contain an indication of the moment of complete termination of legal capacity, but determines only the reason for its gradual termination — the death of man. It was proposed to call the long process of termination of legal capacity with the gradual disappearance of its individual elements called destruction of legal capacity. The conclusion about the preservation of a natural person, that is civil legal capacity, after a death of man is used in a critical study of legislation and allows the author to formulate proposals for improving legal regulation and law enforcement practice in such areas of public life as inheritance, bankruptcy, intellectual property, state registration of rights to immovable property.



### Keywords

man; person; natural person; legal capacity; death; termination of legal capacity; destruction of legal capacity; persona.

**Acknowledgments:** The paper is published within the project of supporting the publications of the authors of Russian educational and research organizations in the NRU HSE academic publications.

**For citation:** Pyatkov D.V. (2020) The Death of Man in Context of a Study of Persons. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 112–133 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2020.3.112.133



### References

- Alekseyev S.S. (1982) General theory of law. Vol. II. Moscow: Juridicheskaja literatura, 360 p. (in Russian)
- Belov V.A. (2002) Civil law: general part. Moscow: Jurlitinform, 639 p. (in Russian)
- Dozhdev D.V. (2013) The Roman private law. Moscow: Norma, 575 p. (in Russian)
- Duvernua N.L. (2004) Readings on civil law. The doctrine of person. Moscow: Zertsalo, 568 p. (in Russian)
- Fayzullin R.V. (2011) Procedure of insolvency in respect of inheritance under the law of Germany. *Civilist*, no 2, pp. 73–78 (in Russian)
- Frolov I.V. (2016) Bankruptcy of a citizen: introduction and models of legal regulation. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no 2, pp. 95–102 (in Russian)
- Gadzhiev G.A. (2013) Ontology of law: a critical study of legal concept of reality. Moscow: Norma, 320 p. (in Russian)
- Gadzhiev G.A. (2016) Idea of a legal picture of the world and its use in constitutional proceedings. *Juridicheskij vestnik DGU*, no 4, pp. 56–64 (in Russian)
- Gadzhiev G.A. (2018) Is robot-agent a person? *Zhurnal rossiyskogo prava*, no 1, pp. 15–30 (in Russian)
- Gadzhiev G.A., Voinikanis E.A. (2018) May robot be a subject to the law? (legal forms for regulating digital economy). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 24–48 (in Russian)
- Greshnikov I.P. (2002) Subjects of civil law: juridical person in law and legislation. Saint Petersburg: Juridicheskij centr Press, 331 p. (in Russian)

- Ioffe O.S. (2000) Selected works on civil law. Moscow: Statut, 777 p. (in Russian)
- Kelsen G. (2015) Pure theory of law. Saint Petersburg: Alef, 542 p. (in Russian)
- Kirillov A.A. (2015) Bankruptcy of individuals: innovations in the law on insolvency. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no 6, pp. 7–22 (in Russian)
- Kozlova N.V. (2003) Concept and essence of a legal entity. Essay on history and theory. Moscow: Statut, 318 p. (in Russian)
- Korneev S.M. (2012) Selected works. Moscow: Statut, 311 p. (in Russian)
- Korneev S.M. (1998) Citizens (individuals) as participants in civil legal relations. In: *Civil law. Vol. I*. Moscow: BEK, pp. 105–168 (in Russian)
- Krotov M.V. (2004) Citizens as subjects of civil law. In: *Civil law. Vol. I*. Moscow: Prospekt, pp. 108–139 (in Russian)
- Meyer D.I. (1997) Russian civil law. Vol. I. Moscow: Statut, 290 p. (in Russian)
- Ostanina E.A. (2017) Bankruptcy of the hereditary mass: in search of a balance between the interests of creditors and heirs. *Sud'ia*, no 6, pp. 58–61 (in Russian)
- Savigny F. (2012) The system of modern Roman law. Vol. I. 510 p. Vol. 2. 573 p. Moscow: Statut (in Russian)
- Shershenevich G.F. (1995) Textbook of Russian civil law. Moscow: Spark, 556 p. (in Russian)
- Shershenevich G.F. (2000) Competitive process. Moscow: Statut, 477 p. (in Russian)
- Shershenevich G.F. (2017) Textbook of Russian civil law. In: *Selected works. Vol. V*. Moscow: Statut, 812 p. (in Russian)
- Shershenevich G.F. (2016) General theory of law. In: *Selected works. Vol. IV*. Moscow: Statut, 697 p. (in Russian)
- Shishmareva T.P. (2015) Features of insolvency (bankruptcy) of an individual entrepreneur in the event of his death. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no 9, pp. 47–49 (in Russian)
- Tanimov O.V. (2014) Development of legal fiction in modern age. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 4–17 (in Russian)
- Trubetskoy E.N. (1917) Lectures on the encyclopedia of law. Moscow: Mamontov, 226 p. (in Russian)
- Vas'kovskiy E.V. (2003) Textbook of civil law. Moscow: Statut, 382 p. (in Russian)
- Zenin I.A. (2016) Civil law. Moscow: Jurayt, 655 p. (in Russian)